

УДК 81.22

*Ю.С. Богатырева, М.Ю. Сидорова***ПРОЯВЛЕНИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В ОПИСАНИЯХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЖИВОТНЫХ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Статья посвящена языковым маркерам антропоцентризма в описаниях животных. Дается краткий обзор работ, посвященных проблеме антропоцентризма и антропоморфизма в разных типах текстов о животных и свидетельствующих о теоретической и практической значимости проблемы. Освещается вопрос о взаимодействии системного и текстового понимания лингвистического антропоцентризма. Далее описывается лингвистический эксперимент по описанию реальных цветных фотографий кошек, участие в котором приняли 90 человек – носителей русского языка, и дается интерпретация полученным данным. В результате эксперимента была подтверждена классификация языковых проявлений антропоцентризма при описании животных, предложенная в [4], установлены особенности приписывания кошкам эмоциональных признаков и использования других антропоцентрических маркеров в описаниях их фотографий на русском языке. Полученные данные могут быть использованы для междисциплинарных исследований на стыке лингвистики и когнитивных наук, лингвистики и компьютерных наук.

Ключевые слова: описания животных, описания изображений, антропоцентризм, лингвистический эксперимент, эмоциональные признаки.

Антропоцентрический поворот в лингвистике вызвал к жизни интерес к семантике и функционированию «человекообразных», то есть отражающих «антропоморфный характер человеческого мировидения» [1. С. 20-21] языковых единиц и категорий, причем подход к определению состава этих единиц и категорий может варьироваться от глобального (все единицы и категории языка отражают антропоморфизм мировидения) до локального (выявление **отдельных** эгоцентрических или антропоцентрических единиц и категорий языка, противопоставленных не-эго/антропоцентрическим) (Там же). Антропоцентризм языка в этом понимании выступает как свойство его системы.

В то же время об антропоцентризме говорят в лингвистике как о позиции говорящего, с которой строится текст. Здесь опять же возможен глобальный подход, при котором текст в данной формулировке понимается как «любой текст», и подход локальный, при котором противопоставляются те тексты, где антропоцентрическая позиция эксплицирована, и те, где она не выражена или предпринята попытка другого, неантропоцентрического взгляда (антропоцентризм выступает в этом понимании как градуальная категория). К «неантропоцентрическим» по интенции говорящего текстам можно отнести, с одной стороны, некоторые произведения (или фрагменты) произведений художественной литературы, где представлена точка зрения животного, фантастические произведения, написанные с позиции инопланетянина (или любого иного разумного существа, не являющегося человеком) и, с другой – совершенно иной тип текстов – научные исследования по зоологии, в которых делается попытка преодолеть антропоцентрический взгляд на животное, навязываемый системой языка и принципами ее использования [5-7]. Требование такого преодоления как условие существования биологии в качестве объективной естественной науки высказывается по крайней мере с середины прошлого века: «Almost all our words have some sort of human connotation, imply some sort of human motivation and purpose. But this motivation and purpose may have no relevance to the behavior of other animals, and we must constantly guard against unwarranted attribution of human characteristics to other species. Anthropomorphic or teleological thinking has no place in a scientific study of animal behavior... English (like all human languages), having been developed around human activities and human interpretations, inevitably reflects these, often with a strong cast of supernaturalism... You are cautioned, therefore, to recognize the pitfalls inherent in any application of human-oriented language to the activities of other animals...» [10].

Разумеется, «системный» и «текстовый» антропоцентризм в лингвистике связаны как между собой, так и с общим антропоцентрическим характером нашего мировосприятия, который, по мнению некоторых исследователей, и запрограммирован в нас генетически и возвращается в культуре («is probably programmed into us genetically as well as being inoculated culturally» [11]). Но если в текстах, где наличествует антропоцентрическая позиция, антропоцентричность языковой системы способствует ее реализации, то есть, просто говоря, антропоцентрические единицы и категории используются ровно для того, для чего они предназначены, то в текстах, написанных с не-антропоцентрической позиции, ситуация иная. Неантропоцентрическая интенция говорящего и антропоцентризм языковой системы дейст-

вуют противонаправленно, последний мешает реализации первой, которая вынуждена его преодолевать. Одним из примеров такого «противоборства» может служить использование в научных статьях по зоологии неопределенно-личных конструкций с подразумеваемым субъектом – животным, на что в общем случае синтаксическая система русского языка накладывает запрет [2. С. 46]: «*Необычное поведение сородича часто **наблюдают** издала и **держатся** подальше* – здесь *наблюдают* животные, а не человек» [7]. Несоответствие языка описания и объекта описания может ощущаться и эксплицироваться автором научного текста. Так, при анализе умственных процессов животных «ученый вынужден антропоцентрическим языком описывать неантропоцентричную реальность, другой уровень психики, другую ментальность, поэтому глагол приходится брать в кавычки или сопровождать номинацию вводными поясняющими словами» [6]: *В экспериментах с использованием сенсорного экрана шимпанзе успешно «предугадывали» будущее расположение мишени* (Журнал эволюционной биохимии и физиологии, 2012, Т.48, №6); *Судя по всему, волчата в этом возрасте, трепя потенциальную жертву, **связывают** ее с объектом питания, но при этом у них еще сильна реакция страха, не позволяющая напасть на жертву* (Зоологический журнал, 2010, №7).

Напротив, журналист, пишущий текст для научно-популярного фильма или сайта о животных, предпочтет привлечь внимание читателя лексикой, заставляющей думать, что животные ведут себя, чувствуют и мыслят, как люди: When a beloved member of an elephant troop dies, those left behind will mourn the lost individual by "burying" the body with leaves and grass, and keeping vigil over the body for a week. And just as humans visit the gravesites of their lost loved ones, elephants visit the bones of dead elephants for years to come... Dolphins routinely show love for species not their own. Several dolphins have practiced random acts of kindness by rescuing swimmers from hammerhead sharks. A few generous dolphins have even guided stranded whales back to sea. But the cetaceans save most of their goodwill for others in their pod – just like humans, they have a you-scratch-my-nose, I'll-scratch-yours ethic that demands routine kindness and generosity (статья «5 Animals With a Moral Compass» с сайта <http://www.livescience.com>). Этот пример наглядно демонстрирует приписывание животным не только человеческих мыслей и эмоций, но и способности действовать на их основе. См. также [14] о языке документальных фильмов о животных.

В любом случае, анализируя, как человек в тексте того или иного типа изображает животных, мы получаем данные о том, как он животных на сегодняшний день понимает, как он на них реагирует – данные, оказывающиеся востребованными в различных прикладных областях: от ветеринарии до мультипликации.

В отличие от автора художественного или научно-популярного текста, сознательно выбирающего антропоцентрическую или неантропоцентрическую позицию, степень и средства ее выражения в рамках своей художественной задачи, и автора научной статьи по зоологии, который в зависимости от своих научных взглядов может делать ее текст более антропоцентрическим или биоцентрическим, в повседневной речевой деятельности обычный носитель языка, как правило, не отслеживает использование антропоцентрических элементов языка при референции к животным или, по крайней мере, не полагает использование таких элементов целенаправленной антропоморфизацией. То есть, говоря *Шарик хочет есть, Кот Василий обиделся и залез под диван, Что-то наша морская свинка сегодня загрустила* и т.п., мы не считаем, что тем самым «превращаем» животное в человека, придаем ему человеческие черты – мы считаем, что *собаки могут хотеть, кошки обижаться, морские свинки грустить, быки злиться, дельфины радоваться* и по этой причине совершать какие-то действия, то есть рассматриваем животное как нормального носителя волитивного или эмотивного модуса [7].

Более того, мы настолько эгоцентричны, что, находясь в пределах обыденной картины мира, не испытываем сомнений в том, что обладаем способностью распознавать, «понимать» эти эмоции и мысли и объяснять ими действия животных. Особенно это касается домашних животных, зачастую воспринимаемых человеком в качестве друга. Известный факт, что домашние животные составляют важную часть эмоциональной жизни человека и являются для него субъектами коммуникации, получил в последнее время экспериментальное подтверждение. Так, эксперименты, описанные в [8] показали, что с раннего возраста дети заинтересованы в общении с животными, предпочитая их игрушкам, и желая больше о них узнать. В ряде исследований отмечается, что для европейской цивилизации характерно воспринимать свое домашнее животное как полноценного компаньона: большинство владельцев кошек и собак утверждают, что могут понимать чувства и эмоции своих питомцев [12]; между людьми и их питомцами возникает аффилиативное общение [13], реализующее потребность в близости, в осуществлении эмоциональных контактов, в проявлениях дружбы и любви.

В [9] приписывание людьми эмоций домашним животным (конкретно – кошкам) было использовано специалистами по поведению людей в интернете и по поведению животных для изучения тех и других. Использовалось специально разработанное веб-приложение Tagruss, содержащее 1631 изображение кошек. Более 5000 респондентов выполняли задание - определить (назвать) внутреннее состояние кошки на каждом изображении (задавался вопрос: «How is this cat feeling?»), используя номинацию (тег) из списка, предоставляемого системой и включающего 40 единиц (*страх, любопытство, смелость, никакой эмоции* и т.п.). В результате было получено более 50 000 подписей, анализ которых позволил установить, какие внутренние состояния кошки люди «прочитывают» с легкостью, а при определении каких испытывают затруднения. Наиболее часто упоминаемым признаком оказалось любопытство (*curiosity*), что соответствует образу кошки в англоязычной картине мира (*Curiosity killed the cat*). По мнению авторов, подобные исследования могут помочь определить потенциальные случаи непонимания между человеком и животным и способствовать улучшению нашего контакта с животными.

Материалом нашего исследования служат описания цветных фотографий кошек, полученные в результате лингвистического эксперимента. Однако наши респонденты не были ограничены ни необходимостью использовать для описания заранее составленный список слов, ни требованием указывать именно внутреннее состояние, а не другие признаки кошки на фотографии, то есть степень объективности/субъективности описания, выбор приоритетного признака, детальность описания – все это находилось в руках респондентов. Для эксперимента использовались фотографии животных разного возраста, пола, преимущественно в естественной среде. Кошки присутствовали на фотографиях в разном количестве, были изображены в разных позах – динамических и статических. В эксперименте не использовались фотографии с изображениями людей или других животных. Данный эксперимент проводился с участием 90 информантов, каждому было предложено описать 25 фотографий, то есть в течение 20 секунд письменно ответить на вопрос «Что вы видите на картинке?». В эксперименте участвовали информанты в возрасте от 16 до 29 лет, преимущественно студенты и аспиранты различных направлений подготовки.

Результаты анализа описаний, полученных в ходе эксперимента, (более 2000 текстов) классифицированы далее по методике, предложенной в работе М.Ю. Сидоровой [4]. Данная классификация делит языковые маркеры антропоцентризма на две большие группы: маркеры пространственной или ментальной точки зрения субъекта и маркеры антропоморфизма животного. В примерах жирным шрифтом выделены элементы, соответствующие пункту классификации.

1. Упоминание фигуры наблюдателя/фотографа: *пушистый кот сидит на дереве и явно хочет поцарапать **фотографа**; за кадром спрятался хозяин; кот пытается дотянуться до **фотографа**; осень, желтые листья, бело-серый кот обнимает ствол дерева и грызет одну его ветку - может, она мешаает ему или как-то раздражает, или **фотограф дразнит кота** этой веткой; внимательно **наблюдающий за мной** кот.*¹

2. Упоминание того, что животное позирует или другим образом «взаимодействует» с камерой: *кот **позирует**; кошка сидит на ветке и пристально **смотрит в объектив**; полосатый кот с зелено-кариими глазами сидит на дереве, лапу тянет к **объективу**; **фотосессия** для питомца; кошка, которая **не хочет фотографироваться**; Кошка балуется на ветке каштана. **Смотря в камеру**, сворачивается в клубочек вокруг ветки, из-за чего ее хвост оказывается у нее у носа.*

3. Приписывание животному эмоциональных признаков, чувств, эмоционально-оценочных реакций.

• Грусть: *черный котенок, задумчиво и **грустно** оперевшись на ветку цветущей вишни, смотрит вниз; **грустный** черный котенок висит на ветке яблоневого дерева; **грустный** кот повис на цветущем дереве*

• Злость, ярость: *уставший и **злой** кот; **злой** котик; **разъяренный** кот*

• Спокойствие, умиротворение: *деревенский чёрно-белый кот с зелёными глазами, он **спокойно** смотрит на фотографа, сидя на заборе; **спокойного** симпатичного кота в деревне; расслабленное настроение, **спокойствие**, отдых, **умиротворение**; **умиротворенный** котенок.*

¹ Описания в классификации и следующей за ней таблице даются целиком, в орфографии и пунктуации авторов, с сохранением смайликов и разделяются точкой с запятой. В тексте статьи примеры могут представлять собой фрагменты описаний.

• Испуг, страх/ бесстрашие: *испуганный кот*; *кот, холодной осенью, сидит на дереве и смотрит испуганными глазами вдаль*; *удивление и страх*; *испуганный котик*; *вселенский ужас на лапах*; *напуганный котик висит на ветке*; *боязнь перед неизведанным*; *еще один бесстрашный товарищ на очень тонкой ветке, но тут уж совсем крохотный котенок, и он едва держится на ветке, еще чуть-чуть - и потеряет опору совсем. Опасно, но котёнок не боится.*

• Удивление: *удивленный кот на дереве*; *сильно удивленного кота*; *Два котенка сидят на дереве. Один котенок, с удивленным видом, кусает за ухо второго котенка. Второй котенок недоволен, но терпит.*

• Напряжение: *ожидание кого-либо вечером. Немного напряженное (испуганное) состояние*; *Напряжённый и внимательный кот, красиво контрастирует с фоном.*

• Сосредоточенность: *Пятнистый кот на дереве сосредоточенно куда-то смотрит*; *Сосредоточенность на цели. Легкость, готовность к атаке. Хищник явный*; *Сосредоточение и взгляд хищника. Явно преследуется определённая цель.*

• Заинтересованность и любопытство: *охотящегося, заинтересованного пушистого кота*; *боязнь перед неизведанным, некоторый интерес в глазах*; *кот заинтересован*; *Явное наблюдение за чем-либо. Заинтересованность и любопытство*; *пушистый и заинтересованный кот*; *Чёрный кот с подпалинами, глаза большие светло-зелёные, он сидит на дереве. Наверное, кот увидел что-то, что его очень заинтересовало*; *Любопытные котята, которым все интересно*; *любопытный котик.*

• Сонливость, скука: *Сонливый кот*; *Субботнее утро :)*; *Сонливое состояние после продолжительного сна. Расслабленное настроение, спокойствие, отдых, умиротворение*; *Ему скучно, играет со своим хвостом*; *Котику скучно на ветке.*

• Радость, воодушевление: *Кот, радостно кричащий, что он застрял*; *радость воодушевленного кота на дереве*; *улыбающийся серый кот.*

• Игривость (которая выступает в описаниях не как постоянное качество, а как состояние): *кот игриво ест свой хвост на ветке. смотреть без регистрации и смс онлайн в высоком качестве*; *Застрял) Потерянность, испуг, немного игривое состояние, возможно нравится даже*; *Испуг, игривость, возможно преследование кого-либо, но выше он точно не полезет*);

• Неодобрение, недовольство: *деревенский кот. В его глазах ясно видно неодобрение к тебе, городскому защитнику урбанизации*; *Неизведанность, опасение чего-то внизу. Неодобрение, готовность к побегу*; *Игривое настроение, неудобство ради скорой добычи. Явные ноты недовольства*; *Полосатый кот с жёлтыми глазами лежит на тонкой веточке клёна. взгляд у него недовольный*; *недовольный кот рычит на кого-то*; *большой, недовольный кот задумчиво сидит на снегу.*

• Более сильные негативные эмоции – презрение, ненависть, отвращение, сердитость: *Старая мама-кошка недовольно и презрительно смотрит на кого-то*; *котик кого-то презирает*; *Кошка ненавидит себя за то, что дала начало шарияту*; *Отвращение и негативные эмоции. Явная надменность. Рассердили.*

4. Оценка внешних или внутренних признаков животного: *милый котенок повис на дереве*; *забавный котенок, висящий на ветке*; *хитрый котик*; *злющий, вредящий кот*; *очень красивый котенок*; *красивый кот, вероятно живущий в частном доме, вышел погулять по веткам*; *спокойного симпатичного кота в деревне*; *очаровательный котенок черного цвета с лапками "в белых носочках" точит коготки на покрытой лишайниками ветке какого-то дерева*; *хорошенький рыжий пушистый котенок повис на обрубленной ветке и смотрит вниз, вероятно, он сам не понимает, как сюда забрался, и как ему теперь слезть обратно*; *четыре очаровательных котенка сидят на некой деревянной поверхности*; *странный кот с человеческим лицом*; *наглая морда.*

5. Приписывание животным целенаправленных физических действий, выраженных глаголами как настоящего времени (имперфективами), так и прошедшего времени совершенного вида (перфективами), а также причастными и деепричастными оборотами: *очаровательный котенок черного цвета с лапками "в белых носочках" точит коготки на покрытой лишайниками ветке какого-то дерева*; *красивый кот, вероятно живущий в частном доме, вышел погулять по веткам*; *Кот перепрыгивает с одного дерева на другое*; *Кот играет, перепрыгивая с дерева на дерево*; *Кот шел по ветке, но отвлекся на что-то внизу*; *котенка, ползущего по ветке*; *притаившийся котенок на дереве*; *котёнок, идущий к своей цели*; *котенок идет по ветке, преследуя кого-то.* При совмещении в описании основного глагола и деепричастия интерпретационную функцию [3] может выполнять как глагол (*играет, перепрыгивая*), так и деепричастие (*идет, преследуя*).

6. Использование модальных глаголов, маркирующих внутреннюю сферу животного, а также целевых конструкций с инфинитивом: *видимо, кот собирается* или *развернуться и слезть, или просто спрыгнуть, в общем, дерево ему не нравится и чувствует он себя некомфортно; котенок явно поставил себе далеко идущие цели и явно от них не собирается отступить; киса готовится к приземлению; кот готовится к прыжку с дерева; кошка с котенком, кошка увидела врага и готова защищать котенка; котенок опрометчиво решил, что такая высота ему по зубам; Киса хочет кушать; белая кошка с серыми пятнами на спине и голове сидит на ветке и будто хочет прыгнуть.*

7. Использование интерпретационных глаголов, маркирующих внутреннюю сферу животного, для обозначения его расположения или позы: *кот валяется на дереве; полосатый котик отдыхает на ветке (зевает); котик отдыхает вечером; осень, теплый солнечный свет, котенок дикой расцветки пригрелся на стволе дерева, ему явно очень хорошо сейчас; кот комфортно расположился на тоненькой веточке дерева; котик нежится под лучами солнца; кот спит, нежась на солнышке.*

8. Описание перцептивных действий и состояний животного: *чем бы еще заняться на верхушке старого каштана в начале октября, как не попробовать половить свой хвост и попробовать его на вкус!; кот наблюдает за птичкой; кот, находясь на дереве, что-то увидел или услышал; пятнистый кот на дереве сосредоточенно куда-то смотрит; хорошенький рыжий пушистый котенок повис на обрубленной ветке и смотрит вниз; кошка забралась на дерево и нюхает свой хвост; кот видит добычу; пятнистая киса с высоты ветки, на которую забралась, наблюдает за происходящим внизу.*

9. Приписывание животным ментальных действий: *задумавшийся кот; рыжий котенок думает залезть на дерево; киса думает, как не упасть; котенок, думающий о жизни, Кошка, считающая, что она птица, он сам не понимает, как сюда забрался, и как ему теперь слезть обратно; кот не знает, как слезть с дерева; котенок, не домашний, познает дерево; котенок мечтает.*

10. Пространственная ориентация, фон относительно наблюдателя: *черно-белый кот на фоне леса во время самого начала заката; коричневая толстая недовольная кошка зимой на фоне поваленного дерева; очень пушистый кот недовольно смотрит на фоне дерева; кот с черно-белым окрасом, сидящий на бревне на улице, на фоне травы и кустов; упитанный важный кот, серо-коричневого цвета на фоне заснеженного бревна; серый кот падает на фоне деревьев; кот в прыжке на фоне осеннего пейзажа.*

11. Включение и описание перцептивных признаков не-визуальной модальности: *кот, холодной осенью, сидит на дереве и смотрит испуганными глазами вдаль; осень, теплый солнечный свет, котенок дикой расцветки пригрелся на стволе дерева, ему явно очень хорошо сейчас; кот тихо и бесшумно к кому-то/чему-то подкрадывается; Кот мерзко орет.*

12. Использование показателей неопределенности восприятия и категоризации: *Кота, сидящего на дереве что-то испугало. Издает звук, возможно, защищается; хорошенький рыжий пушистый котенок повис на обрубленной ветке и смотрит вниз, вероятно, он сам не понимает, как сюда забрался, и как ему теперь слезть обратно; возможно, охота в самом разгаре, и кошка выслеживает; кот-подросток охотится на кого-то в ветвях дерева, похожего на иву; непонятного окраса кот с зелеными глазами занял очень странную позицию на дереве и мяукает.*

13. Использование человеческих атрибутов: *странный кот с человеческим лицом; двуцветный кот со странным лицом и ствол; полосатый кот смотрит на тебя сверху и протягивает к тебе лапу, будто руку помощи; котик застрял, но не потерял лица.*

14. Использование человеческих номинаций: *малой исследователь; охотник на дозоре; кокетливая леди; кот-акробат; кот-бодибилдер; Кошка-парашютист без парашюта.*

15. Самокомментарии: *кот летит (мои наблюдения позволяют предположить, что с палки к палке); пятнистая киса уверенно движется к чему-то в кроне деревьев (возможно, мы являемся свидетелями охоты); черный кот с серыми глазами висит на цветущей ветке (жасмина, помоему); два котенка, одного происхождения, очевидно, сидят (ух ты!) на... попробуйте угадать, вы не поверите... на дереве.*

16. Эксплицитное сравнение: *кот, похожий на филина; боевой дикий кот, похож на манула; очень похожа на филина; кот, который похож на Леонова в «Джентльменах удачи»; кот, похожий на ленивца; котик, который ест свой хвост, как бесконечная змея; кот, у которого хвост похож на лемура.*

17. Показатели относительного времени и стадии действия, вносящие динамику в статическое изображение: *кот только что проснулся и зевает.*

18. Описание с использованием слов типа *силуэт, пейзаж*, свидетельствующих о ментальной обработке наблюдателем перцептивных стимулов в известной ему парадигме оперирования с ними, сформированной изобразительным искусством и фотографией: *Кот в прыжке на фоне **осеннего пейзажа***.

В большинстве случаев респонденты не сомневались в характеристике действий, интенций и внутреннего состояния животного, такая уверенность может быть маркирована, например, с помощью лексем *точно, ясно, явно*: *выше он **точно** не полезет; В его глазах ясно видно неодобрение к тебе; Явное наблюдение за чем-либо*. Однако встречаются и колебания типа *возможно, мы являемся свидетелями охоты*. При этом говорящие могут отмечать случаи, когда изображение выходит за пределы хранящихся у них в сознании стереотипов, фреймов, связанных с поведением и внешним видом кошек: *непонятого окраса кот с зелёными глазами занял **очень странную позицию** на дереве и мяукает; двуцветный кот **со странным лицом** и ствол*.

Эмоциональные признаки в описании изображений животных

Отсутствие эмоциональных признаков при описании изображения	Наличие одного эмоционального признака (консенсус информантов)	Наличие разных эмоциональных признаков
<i>Черно-белый кот, видимо, не домашний, сидит на заборе в лучах весеннего закатного солнца.</i>	<i>Маленький черный котенок грустно смотрит куда-то в небо, сидя на цветущей ветке чего-то из розоцветных. Кругом весна, сады цветут, а у котенка вселенская грусть в глазах.</i>	<i>Кот застрял. Потерянность, испуг, немного игривое состояние, возможно, нравится даже.</i>
<i>Деревенский кот сидит на деревянном заборе.</i>	<i>Черный кот на ветке с белыми цветами грустно и романтично смотрит вверх.</i>	<i>Разъярённый кот.</i>
<i>Кот сидит на туго плетеном заборе.</i>	<i>Печальный котик.</i>	<i>Удивленная кошка на ветке говорит: "Мяу".</i>
<i>Кот, который сидит на заборе и смотрит в кадр.</i>	<i>Черный котенок, задумчиво и грустно, оперевшись на ветку цветущей вишни, смотрит вниз.</i>	<i>Кота, сидящего на дереве что-то испугало. Издаёт звук, возможно, защищается.</i>
<i>Пятнистая кошка сидит на заборе.</i>	<i>Грустный черный котенок висит на ветке яблоневого дерева.</i>	<i>Кот, радостно кричащий, что он застрял.</i>
<i>Черно-белая кошка в деревне.</i>	<i>Грустный котенок висит на яблоне.</i>	<i>Котик зол.</i>
<i>Кота на перилах.</i>	<i>Грустного котика на ветке с цветочками.</i>	<i>Воодушевленного кота на дереве.</i>
<i>Кот с черно-белым окрасом, сидящий на бревне на улице, на фоне травы и кустов.</i>	<i>Грустный черный котенок на ветке цветущего дерева.</i>	<i>Недовольный кот рычит на кого-то.</i>

Отдельно остановимся на приписываемых животному эмоциональных признаках (табл.). Анализ полученного материала позволяет говорить о широком спектре приписываемых котам эмоций. Однако лишь для ряда фотографии приписывание эмоционального признака оказалось статистической нормой, в то время как для других это было нетипично. В первых двух столбцах следующей таблицы приведены примеры описаний двух фотографий: при описании первой информанты не выделяли в качестве основного признака животного эмоциональный (описывался цвет кошки, ее местонахождение и т. п.), в то время как при описании второго изображения эти же информанты приписывали животному один и тот же эмоциональный признак (грусть, печаль). Третий столбец демонстрирует разнообразие приписываемых животному признаков в рамках одного изображения. В описаниях этого изображения были обнаружено приписывание животному таких разных эмоций как ярость, злость и недовольство, с одной стороны и удивление, воодушевление и радость – с другой.

Полученные в ходе эксперимента результаты позволили сделать несколько выводов относительно языковых проявлений антропоцентричности в описаниях животных и поставить вопросы для дальнейшего исследования. Во-первых, можно говорить о том, что одни изображения обнаруживают больше антропоцентричных маркеров, чем другие, соответственно, актуальным становится обнаружение

факторов (признаков референта), активизирующих антропоцентризм при его описании. Обнаружилось и неравномерное использование антропоцентрических маркеров респондентами: некоторые тяготели к большей объективности, другие – к субъективности описания. В целом в экспериментальной ситуации, когда ставился вопрос «Что вы **видите** на картинке?» и часть респондентов, воспринимая этот вопрос как руководство к действию, даже отвечала на него, используя форму Винит. пад. (*сонного кота*), создание некоторыми участниками эксперимента в качестве ответа на вопрос развернутых описаний внутреннего состояния животного (*Недовольство, понимание того, что застрял, за секунду до падения. Явный испуг и безысходность*) позволяет говорить о том, что эмоциональные признаки воспринимаются наивными носителями языка как наблюдаемые. Обозначающие их лексемы ненамного уступают по частотности в описаниях фотографий прилагательным, называющим перцептивные признаки. Так, в нашем материале прилагательное *серый* встретилось 41 раз, прилагательное *рыжий* – 44 раза, прилагательное *толстый* – 18 раз, *пушистый (пушистик)* – 28 раз; прилагательное *недовольный* – 17 раз, лексемы словообразовательного гнезда *испуг* – 31 раз, гнезда *грусть* – 22 раза и т. п.

Во-вторых, проведенное исследование подтвердило результаты эксперимента, описываемого в статье [4]: антропоцентрические маркеры из пунктов 1-10 данной классификации представляются более частотными, чем из пунктов 11-18.

В-третьих, эксперимент показал, что носители русского языка приписывают кошкам широкий спектр эмоциональных признаков и *любопытство* не превосходит по частотности остальные. Если учитывать только обозначение эмоции с помощью соответствующих однокоренных лексем (например, *игривый – игриво – игривость* или *испуг – испугать(ся) – испуганный – испуганно*), то 31 раз упомянут испуг, 27 раз – удивление, 22 раза – грусть, 15 раз – любопытство котом, 11 – проявление интереса, заинтересованность; 9 – игривость и т.п. Вопрос о том, содержат ли описания кошек больше антропоцентрических маркеров, чем описания изображений других домашних животных, а также насколько описания домашних животных антропоцентричнее, чем описания диких, требует дополнительного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугорская Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 18-25.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
3. Сидорова М.Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1997. Т. 6. С. 6-15.
4. Сидорова М.Ю. Языковые маркеры антропоцентричности в описаниях изображений // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2016. № 3 (67). С. 25-37.
5. Хукаленко Ю.С. О языковом облике биологического научного текста: нейтральный, техноцентрический и биоцентрический взгляд на объект познания и описания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. М., 2015, № 3. С. 215-225.
6. Хукаленко Ю.С. Лингвистический антропоцентризм в языке научных статей по биологии // Мир русского слова. СПб., 2015, №4. С. 27 – 30.
7. Хукаленко Ю.С. Язык как средство выражения когнитивной модели зоологии в современных научных текстах на русском языке. АКД. М., 2016.
8. DeLoache J.S., Pickard M.B., LoBue V. How very young children think about animals. 2012. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2044-835X.2012.02078.x/abstract> (дата обращения 18.06.2016).
9. Foster D., Kirman B., Linehan C., Lawson S., Mills D.S., Ellis S., Zulch H. "I Can Haz Emoshuns?" // Understanding Anthropomorphism of Cats among Internet Users. In Privacy, Security, Risk and Trust (PASSAT) and IEEE Third International Conference on Social Computing. 2011. URL: http://eprints.lincoln.ac.uk/4654/1/Tagpuss_FINAL_parsed.pdf (дата обращения: 20.05.2016).
10. Keeton W.T. Biological science. New York: W.W. Norton, 1967.
11. Kennedy J.S. The new anthropomorphism. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
12. New J.C.Jr., Salman M.D., King M., Scarlett J.M., Kass P.H., Hutchinson J.M. Characteristics of shelter-relinquished animals and their owners compared with animals and their owners in the U.S petowning households. Journal of Applied Animal Welfare Science, 3(3), 2000. pp.179-201.
13. Rochlitz I. Basic requirements for good behavioural health and welfare in cats. BSAVA Manual of canine and feline behavioural medicine, pp. 35-48. 2009.
14. Sealey A., Oakley L. Anthropomorphic grammar? Some linguistic patterns in the wildlife documentary series Life. URL: http://eprints.lancs.ac.uk/71230/1/text_2013_0017.pdf (дата обращения: 20.05.2016).

Yu.S. Bogatyreva, M.Yu. Sidorova

**MARKERS OF ANTHROPOCENTRISM IN DESCRIPTIONS OF ANIMALS:
EXPERIMENTAL RESEARCH**

The article examines linguistic markers of anthropocentrism in descriptions of animals. We present a brief review of research on anthropocentrism and anthropomorphism in different types of texts on animals which confirm the theoretical and practical importance of this issue. Also, we discuss the interaction of systemic and textual understanding of linguistic anthropocentrism. Then we present and interpret a linguistic experiment where 90 Russian-speaking participants described realistic colored photos of cats. The results of the experiment confirm the classification of anthropocentric markers in descriptions of animals proposed in [4] and reveal the specificity of attributing emotional qualities to cats as well as usage of other anthropocentric markers in these descriptions. The data may be used for interdisciplinary studies in linguistics, cognitive and computer studies.

Keywords: descriptions of animals, image descriptions, anthropocentrism, linguistic experiment, emotional qualities.

Богатырева Юлия Сергеевна, магистрантка
E-mail: julnikishova@gmail.com

Сидорова Марина Юрьевна,
доктор филологических наук, профессор
E-mail: sidorovadoma@mail.ru

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

Bogatyreva Yu.S., master degree student
E-mail: julnikishova@gmail.com

Sidorova M.Yu.,
Doctor of Philology, Professor
E-mail: sidorovadoma@mail.ru

Moscow State University
Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991